

УДК 930 (476+477)

Елена Барсук

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина

elena.moz1577@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2804-975X

О ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ В XVI–XVIII ВВ.

Розглянуто поняття історична пам'ять, її функції, зміст і трансформація під впливом конкретно-історичних умов, проаналізовано особливості формування історичної пам'яті на білоруських та українських землях в XVI–XVIII ст., подана характеристика етногенетичних міфів про походження держави і княжої генеалогії, походження слов'ян, литовців, русинів, московитів, і їх героїчне минуле у європейських хроніках, руських і білорусько-литовських літописах та релігійно-полемічних творах С. Косова, І. Тризни, Хроніці Ф. Сафоновича і козацьких літописах. Дослідження проводилось при підтримці Білоруського Республіканського фонду фундаментальних досліджень.

Ключові слова: історична пам'ять, білоруські та українські землі в XVI–XVIII ст., етногенетичні міфи, релігійно-полемічні твори.

Общество обеспечивает необходимую передачу информации, в результате чего возникает «поле единого, общепонятного и поэтому передаваемого от поколения к поколению опыта» [5, с. 40]. Соответственно история как процесс познания прошлого, включающий отбор и сохранение информации о нем, – это одно из проявлений социальной памяти, способности людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений. Социокультурная память традиционных обществ определяется и образами прошлого.

Предания о легендарных предках веками передавались устной традицией, и спустя многочисленные смены поколений нашли отражение в историческом нарративе. Письменная традиция позволила не только значительно продлить память о событиях, обычаях и явлениях о далеком прошлом, но и осмыслить и трансформировать сообразно возникающим общественным потребностям. Этногенетические мифы не просто раскрывали историю происхождения народа и государства, но решали совершенно определенные политические задачи. Средневековые повествования изобилуют доказательствами статуса или подтверждения притязаний монархов, государств, эпических героев или святых, что не исключает внутренней убежденности авторов и компиляторов в своей правоте.

Историческая память общества формируется во взаимодействии государства, политических сил, социальных групп и экспертного сообщества. С расширением культурных контактов и изменением конкретно-исторических условий развития общества менялись приоритеты исторической памяти, оценки явлений и событий, пантеон героев и антигероев.

Значительная часть представлений белорусов и украинцев о прошлом дошла до нас в хрониках и летописях, публицистических и художественных произведениях. Они повествовали о происхождении народов, создании государств и их героическом прошлом, отстаивали интересы социальных групп (православного духовенства или казачества).

По средневековой традиции, основу которой составляло Священное писание, генеалогия народов мира берет свое начало от времен Всемирного потопа, от сыновей Ноя – Сима, Хама, Иафета (Бытие, гл. 10, 32).

Европейские народы происходили от потомков Иафета, славянские народы – от его шестого сына Мешеа или Мосоха (Изекиил, гл. 27, 13, гл. 38, 2-3, гл. 39, 1). Об общем происхождении славян от сына Ноя упоминает Нестор в «Повести временных лет». По его мнению, заслуга основания государства восточных славян принадлежала варяжской династии Рюриковичей. В первой четверти

© Е. Барсук

XVI в. в Московском княжестве сложилась легенда о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа и передаче царских регалий от византийского императора Константина Мономаха его внуку князю Владимиру Мономаху («Сказание о князьях Владимирских») и подчиненном положении и низком происхождении Великих князей литовских «Родословие литовских князей». В ней утверждалось, что какой-то Витенец из рода смоленских князей во время татарского набега сбежал в Жемайтию и там женился. После смерти его жену «забрал конюх», собиравший дань в пользу московского князя, использовал междоусобицы русских князей и стал править многими землями. Миф обосновывал права московских правителей на белорусские земли, которые присвоили литовские князья [6, с. 42].

Ян Длугаш в своей «Истории Польши» генеалогию великих князей Литовских выводит от потомков римского патриция, противника Цезаря, сбежавшего из Рима. В «Хронике Великого княжества Литовского и Жемайтского» сохранилась легенда о происхождении литовской знати от родственника императора Нерона Полемона, который вместе с 500 семьями сбежал из Империи. М. Стрыйковский в «Хронике Польской, Литовской, Жмудской и всея Руси» побег знати объяснял жестокостями вождя гуннов Аттилы.

Эта трансформированная легенда также упоминается в Хронике Быховца и во второй половине палове XVI в. с потомками Полемона связывает реального князя Миндовга. Она определяла общность происхождения литовских князей с католическими правителями Европы и отрицала общность происхождения с Русью [6, с. 40, 38-39].

Тенденция отрицания восточнославянского единства и противопоставления «Руси» и «Московии» соответствовала расстановке сил в Восточной Европе XIV-XV вв. и получила широкое распространение в XVI-XVII вв.

Первый летописный свод белорусско-литовских летописей 1446 г., который содержит отдельную главу под названием «Летописец великих князей Литовских», кроме сведений об истории ВКЛ от Гедимина до смерти Витовта содержит также некоторую информацию из древнерусских летописей.

Второй летописный свод, составленный в первой четверти XVI в., основная часть которого получила название «Хроника Великого княжества Литовского и Жемайтского», концентрирует внимание на истории белорусско-литовской державы. Белорусско-литовские летописи должны были обосновать исторические права ВКЛ на белорусские земли, на которые претендовало как «исконно русские» Великое княжество Московское. Именно второй летописный свод сохранил другой политический миф о происхождении ВКЛ и завоевании Черной Руси и других белорусских земель литовской знатью, в советское время считавшийся официальной версией происхождения княжества Литовского.

Общей чертой европейских хроник XII-XVI вв. было негативное отношение к христианству «восточного обряда», обусловленное не только Великим расколом 1054 г., но и процессом обособления веры «русской» от византийского подданства в связи с формированием идеи «Москва – третий Рим», что воспринималось католическим духовенством как ересь и вызывало неприязненные отношения к «русинам» [6, с. 113].

Тезис о происхождении русинов, в частности, московитов и Московского княжества от Мосоха распространяется в польских хрониках в XV в. Он встречается в трудах Яна Длугаша, Бернарда Ваповского, Матея Стрыйковского [5, с. 207]. Длугаш определял «Русь» как землю, населенную русскими, Галицко-Волынскую Русь и Червоную Русь, присоединенные к Королевству Польскому. Северо-восточные и южные земли ВКЛ также русские – Смоленск, Витебск, Полоцк, Новгород. Северо-Восточная Русь – это земли москвичей, московитов, Московия («terra Mosquensі, Mosquovitarum, Moschovia») [3, с. 63]. Термин «Москва», «Московия» использовался для политического обозначения, соответственно московиты – это население Московского государства, а русины – для конфессионального определения населения ВКЛ – православного.

Благодаря Хронике М. Стрыйковского, легенда о Мосоха закрепилась в литературно-исторических и религиозно-полемических трудах на белорусских и украинских землях в XVII в. По мнению российского исследователя Д. Степанова, в начале XVI в. миф о происхождении народа от библейского предка Мосоха не получила распространения в Московском княжестве, даже не нашла отражения в Московском Хронографе 1512 г. и начала распространяться только в конце XVII в. в связи с необходимостью обоснования присоединения Левобережной Украины [8, с. 215].

В условиях межконфессионального противостояния и обострения внешнеполитической ситуации в Речи Посполитой в XVII в. наиболее актуальными стали задачи аргументировано доказать древность и ценность традиций «русских» (белорусских и украинских) земель, разработать идею

преемственности византийских и древнерусских традиций и одновременно адаптировать их к достижениям западноевропейской культуры.

В определенной степени эти задачи решала одна из самых известных работ Могилевского православного епископа, преемника Киевского митрополита Петра Могилы, Сильвестра Коссова – «*Patericon, abo Zywoty svetych ojcow pieczarskich*» (1635 г.). Она представляла собой авторскую переработку различных редакций Киево-Печерского патерика на польском языке, дополненная историческими данными к агиографическим текстам с обязательными для европейской традиции ссылками на известные в Европе авторитеты Барония, Зонары, Гваньини, М. Бельского, М. Стрыйковского, Я. Длугаша и др. Это позволяло не только познакомить широкую публику Речи Посполитой с историей Киевской лавры, но засвидетельствовать сакральную роль и значение святых для всего христианского мира. Использование исторических источников в «*Patericone*» должно было доказать даже недоброжелателям, реальность житий печерских старцев и уникальность не только Киево-Печерской лавры, но и всей «*религии греческой народа русского*».

Так, первое знакомство славян с христианством традиционно С. Коссов связывал с именем апостола Андрея Первозванного, который из Херсонеса по Днепру поднялся до Великого Новгорода и Подвинья. Дальнейшие попытки его распространения осуществляли братья Кирилл и Мефодий в 863 г., княгиня Ольга в 958 г., наконец князь Владимир Святославович в 988 г. Утверждение христианства происходило не с Запада, как утверждали его оппоненты, а с Востока. Историческая информация в книге Коссова размещена в качестве приложений-комментариев к соответствующему житию печерского святого. Например, после агиографического текста, посвященного святому Феодосию (основатель Печерского монастыря во второй половине XI) есть сведения о киевских князьях Ярославичах, походах печенегов и половцев на восточнославянские земли. Агиография святых преобразуется в исторические биографии с точным свидетельствованием современников героя и историческим очерком эпохи [9, с. 3-119].

Подобным образом составлялись европейские произведения такого толка, например, трактат П. Скарги о житии святых 1577 г., получивший широкое распространение в Европе.

Киево-Печерский патерик на церковнославянском языке был издан в 1661 г. под редакцией Киево-Печерского архимандрита Иосифа Тризно. Он был адаптирован для понимания широкими кругами населения, иллюстрирован специально созданными уникальными гравюрами и планами киевских печер. Он рассказывал о жизни печерских старцев в виде пересказа древних текстов и соотносил их с событиями эпохи [1].

Таким образом, можно утверждать, что издания С. Коссова и И. Тризно были рассчитаны не только на православное население, но и образованные круги Речи Посполитой, знакомые с историографической традицией Европы.

Одной из первых обобщающих работ по истории Украины является «Хроника из летописцев стародавних» Феодосия Софоновича. Традиционно он определял истоки славянских народов от времен Вавилонского столпотворения, когда потомки Иафета начали расселяться по земле и получили от Бога славянский язык. Софонович утверждал, название славяне получили от названия Славянского моря или «от славы и от славных своих дѣлъ рицерскихъ, которыми по всемъ свѣтѣ славными были и не так во скарбахъ, якъ во славѣ кахалися» [7, с. 3]. В представлении автора, славяне – легендарные герои-богатыри, которым даже Александр Македонский «далъ славеномъ привилеї на паргамѣнѣ, золотом писаныи. въ Александрїи». Все мысли автора подтверждены ссылками на авторитеты известных хронистов Я. Длугаша и М. Стрыйковского, которые упоминают, «что ижъ панство Руское ажъ до Рыму заходило», или сведениями древнерусских летописей.

Из «Повести временных лет» в «Кройнику» вошли сообщения о приглашении варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора, информация о соседних племенах, хазарах, половцах и др. Первыми русскими князьями Софонович считал потомков Мосоха, легендарных братьев и сестру, именно старший из них – Кий – основал «градъ стольны Кіеѹ». Почти 2/3 текста Хроники занимает повествование о княжении Аскольда и Дира, Олега, Игоря и Ольги, Святослава, Владимира, Святополка, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и его потомков. Центральное событие – принятие христианства, сначала Ольгой, затем «славная» деятельность князя Владимира по выбору православной веры и его утверждение на Руси. В первой части «Кройники» в качестве источников автором использованы кроме «Повести временных лет» также Киевская, Галицко-Волынская и др. летописи в авторской редакции (все, что не соответствовало взглядам и целям Софоновича не упоминается или значительно сокращается). Произведение создавалось (1672 г.) во время сложных внешнеполитических условий и межконфессионального противостояния в Речи Посполитой, поэтому можно объяснить такое отношение к источникам автора, настоятеля православного монастыря. По мнению Феодосия Софоновича, преемницей Древней Руси стала Галицко-Волынская Русь, затем

Великое княжество Литовское и Речь Посполитая. Ключевой исторической фигурой Галицко-Валынского княжества он считал Даниила Романовича, который подчинил русских князей, половецкую, ляшскую и литовскую земли, родословная его выводилась до потомков князей Острожских [7, с. 233].

Во второй части Хроники повествовалось о легендарных князьях Литвы от Полемона до Миндовга и известных князьях ВКЛ Тройдене, Витене, Гедимине, Ольгерде, Ягайле, Скиргайле, Витовте, Свидригайле, Сигизмунде Кейстутовиче, Казимире, Александре. Дается негативная оценка князю Ягайле, который принял «веру латинскую». Наиболее развернутая характеристика княжения принадлежит великому князю Витовту. Подобное внимание уделяется еще только московскому князю Ивану III, который избавил княжество Московское от Ордынского ига и смог объединить земли вокруг Москвы.

В третьей части «Хроники из летописцев стародавних» речь идет о событиях польской истории от легендарных польских королей до современного автору монарха. Софонович как представитель высшей православной иерархии Киевской митрополии высказывал негативное отношение к церковной унии 1596 г., распространение которой считал одной из главных причин восстания Северина Наливайко. Много внимания автор уделил событиям Хмельниччины. Он положительно оценивал события Переяславской рады, но весьма критично относился к попыткам Б. Хмельницкого договориться с Крымским ханом, негативно относился к его преемникам И. Выговскому, Ю. Хмельницкому, И. Брюховецкому, которые также стремились договориться с правительством Речи Посполитой или османскими властями. Исследователи считают, что в последней части Хроники использованы также собственные сведения автора, которыми он располагал как представитель православной иерархии, например, об избрании киевских митрополитов Петра Могилу, Сильвестра Косова, Дионисия Балабана и др., посещение Киева Иерусалимскими патриархами Феофаном в 1620 г. и Паисием в 1649 г., смерть Богдана Хмельницкого 2 июля 1657 г., побег его сына Юрия в Правобережную Украину после поражения от войск русского воеводы Ромадановского и гетмана Левобережья Я. Сомко в 1662 г. и постриг его в монахи в 1663 г. и др.

Если в первой части «Кройники» главными источниками служили древнерусские летописи, во второй – Хроника М. Стрыйковского и летопись ВКЛ, то в третьей – преимущество принадлежало «Истории Европейской Сарматии» и «Хронике Польши» Мартина и Евхима Бельских.

Своеобразными историческими и историографическими источниками являются т.н. казачьи летописи, созданные в последней четверти XVII – первой половины XVIII в («Летопись Самовидца», «Краткое описание Малороссии» «Летопись Г. Грабянко», «Летопись Величко»), которые определили развитие представлений о героическом прошлом казачества как защитников древних традиций, православной веры и привилегий жителей Малороссии.

Для Самовидца причинами казачьих волнений стали «на православие гонение і казаківь отмщеніе» в результате усиления позиций католичества и распространения униатства на украинских землях, а также «отягощения казаков реестровых» [4, с. 6-7; 3, с. 65].

А неизвестный автор «Краткого Описания Малороссии» (компиляции из Летописей Грабянки и Самовидца) определял цель работы «какъ оная, послѣ самодержавія великаго князя Владиміра, была подь польскимъ владѣніемъ и какъ нескоро послѣ того, по изгнаніи изъ оной ляховъ гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ, приведена подь высокодержавную руку государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всероссійскаго» и промосковскую ориентацию [2].

Таким образом, память о прошлом, представленном историческими событиями, героями, памятными местами, выступает как важнейшее средство консолидации общности или общества в целом, создания и поддержания ее внутреннего единства, становится основным элементом сохранения национальной идентичности. Историческая память может функционировать как культурно-исторические символы, основанные на преломлении событий истории через систему ценностей и норм общества. Историческая память украинцев и белорусов зафиксирована в исторических, публицистических и религиозных произведениях XVII-XVIII вв., которые создавались в конкретных исторических условиях, обусловленных общественно-политическими и этноконфессиональными противоречиями, необходимостью этнического самоопределения и соответствовали политическим целям государства или определенной социальной группы.

Джерела та література:

1. Лабунцев Ю., Щавинская Л. (2011). *«В льто... 1661»*. Департамент культуры г. Москвы, Управ. культуры ЦАО г. Москвы, ГУК г. Москвы «Библиотека украинской литературы», Отд. ист. укр. книги. Москва.
2. Левицкого, О. И. (Ред.). (1878). *Краткое описание Малороссии / Летопись Самовидца по новооткрытым спискам*. Киев: Тип-фия К. Н. Милевского.

3. Левицкий, О. (1878). *Опыт исследования о Летописи Самовидца, изданной Киевской Археографической комиссией*. Киев: Тип-фия К. Н. Милевского.
4. *Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобицах, бывших в Малой России по его смерти*. (1846). Москва: Университетская типография.
5. Нуркова, В. В. (2000). *Совершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности*. Москва: Изд-во Ун-та РАО.
6. Семянчук, А. А. (2000). *Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі: вучэбны дапам.* Гродна: ГрДУ.
7. Софонович, Феодосій. (1992). *Хроніка з літописців стародавніх*. АН України, Археограф, коміс., Ін-т укр. археографії, Ін-т історії України. Київ: Наук. думка.
8. Степанов, Д. Ю. (2016). *Этноконфессиональное самосознание православного населения Речи Посполитой и гетманичины в середине – второй половине XVII в.* (Дис. канд. ист. наук). Москва: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Взято с <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Stepanov.pdf>. (дата обращения 29.12.2019).
9. *Patericon albo Żywoty śś. Oyców Pieczarskich. Sylwestra Kossowa (1987)*. W Kijowie w drukami Ś. Lawry Pieczarskiey Roku 1635. Репр. вид. Harvard Library of Early Ukrainian Literature. (Vol. IV, pp. 3-119). Cambridge, Mass.

References

1. Labyntcev, Iu., & Shchavinskaia, L. (2011). «V lto... 1661» [«В лѣто... 1661»]. Departament kultury g. Moskvy, Uprav. kultury ТсАО g. Moskvy, GUK g. Moskvy «Biblioteka ukrainskoi literatury», Otd. ist. ukr. knigi. Moskva [in Russian].
2. Levitckogo, O. I. (Ed.). (1878). *Kratkoe opisanie Malorossii / Letopis Samovidtca po novootkrytym spiskam [Brief description of Little Russia / Chronicle of the Self-Seer according to the newly-opened lists.]*. Kiev: Tip-fiiia K. N. Milevskogo [in Russian].
3. Levitckii, O. (1878). *Опыт issledovaniia o Letopisi Samovidtca, izdannoii Kievskoi Arkheograficheskoi komissiei [Research experience on the Chronicles of the Self-Seer, published by the Kiev Archaeographic Commission.]*. Kiev: Tip-fiiia K. N. Milevskogo [in Russian].
4. *Letopis Samovidtca o voiakh Bogdana Khmelnitckogo i o mezhdousobitcakh, byvshikh v Maloi Rossii po ego smerti [Chronicle of the Samovid about the wars of Bohdan Khmelnitsky and the civil wars that were in Little Russia at his death]*. (1846). Moskva: Universitetskaia tipografiia [in Russian].
5. Nurkova, V. V. (2000). *Sovershennoe prodolzhaetsia: psikhologiiia avtobiograficheskoi pamiati lichnosti [The perfect continues: the psychology of the autobiographical memory of the individual]*. Moskva: Izd-vo Un-ta RAO [in Russian].
6. Semianchuk, A. A. (2000). *Belaruska-litoŭskiia letapisy i polskiia khroniki [Belarusian-Lithuanian chronicles and Polish chronicles]: vuchebny dapam.* Grodna: GrDU [in Belarusian].
7. Sofonovych, Feodosii. (1992). *Khronika z litopystsiv starodavnikh [Chronicle of ancient chroniclers]*. AN Ukrainy, Arkheohraf, komis., In-t ukr. arkheohrafii, In-t istorii Ukrainy. Kyiv: Nauk. dumka [in Ukrainian].
8. Stepanov, D. Iu. (2016). *Etnokonfessionalnoe samosoznanie pravoslavnogo naseleniia Rechi Pospolitoi i getmanshchiny v seredine – vtoroi polovine XVII v. [Ethno-confessional self-consciousness of the Orthodox population of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Hetmanate in the middle - second half of the 17th century]*. (PhD diss.) Moskva: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Retrieved from <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Stepanov.pdf>. [in Russian].
9. *Patericon albo Żywoty śś. Oyców Pieczarskich. Sylwestra Kossowa (1987)*. W Kijowie w drukami Ś. Lawry Pieczarskiey Roku 1635. Репр. вид. Harvard Library of Early Ukrainian Literature. (Vol. IV, pp. 3-119). Cambridge, Mass.

ON THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY IN THE BELARUSIAN AND UKRAINIAN LANDS IN THE XVI–XVIII CENTURIES

Deals with the concept of historical memory, its functions, content and transformation under the influence of specific historical conditions, analyzed the features of formation of historical memory in Belarusian and Ukrainian lands in the XVI–XVIII centuries, are the characteristics of the ethnogenic myths concerning the origin of state and princely genealogies, the origin of the Slavs, Lithuanians, Ruthenians, and Muscovites of their heroic past in the Chronicles of European, Russian and Belarusian-Lithuanian Chronicles and religious-polemical works by S. I. Kosov I. Trizna, Chronicles by F. Sofonovych and Cossack's Chronicles.

The memory of the past, represented by historical events, heroes, and memorable places, acts as an important means of consolidating the community or society as a whole, creating and maintaining its internal unity, and becomes the main element of preserving national identity. Historical memory can function as cultural and historical symbols based on the refraction of historical events through the system of values and norms of society. The historical memory of Ukrainians and Belarusians is recorded in historical, publicistic and religious works of the XVII–XVIII centuries, which were created in specific historical conditions caused by socio-political and ethno-confessional contradictions, the need for ethnic self-determination and corresponded to the political goals of the state or a certain social group. The research was conducted with the support of the Belarusian Republican Foundation for basic research.

Key words: *historical memory, Belarusian and Ukrainian lands in the XVI–XVIII centuries, ethnogenetic myths, religious and polemical works.*